

Бурдуков Иван

Да. Нет. Конечно

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Бурдуков

Да. Нет. Конечно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42331594

SelfPub; 2021

Аннотация

Что же всё-таки заставляет человека быть таким, какой он есть? Окружение, состояние надрыва, кризиса, или попросту его собственная стихийная сущность? В качестве обложки используется картина Иеронима Босха «Корабль дураков».

Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

Содержит нецензурную брань.

Иван Бурдуков

Да. Нет. Конечно

1.

вчерашним вечером твоя жизнь повернулась таким образом, что сегодня ты просыпаешься в каком-то сарае. одеревенелая затёкшая нога не подаёт чувств. все руки в земле. голову ломит. кадык отчего-то побаливает. желудок болит тоже, или печень. вместо слюны противная пена. подступает кисловатого-горькое предвестие тошноты. всё кажется ненастоящим. происшедшее за день до этого кажется беспочвенным, как и жизнь в данную минуту. рядом лежит продавщица с заправки, ночью выглядевшая вполне прилично, а на поверку совершенная не красавица. едва встав на ноги, ты застегиваешь штаны, попутно ожидая прилив крови к ноге. часы показывают: без пяти одиннадцать; солнечно – значит без пяти одиннадцать дня. отрезок жизни вычеркнут из памяти твоей взбалмошной головы. и даже в тот момент ты пытаешься понять целесообразность дальнейших действий: минералка или пиво. жаждешь бутылку водки, трёхэтажный мат, крепких сигарет, человека для разговора, бабу ли любого вида; проходит минута, ты жизненно необходимо желаешь постели или любого зачуханного матраца.

И вот ты уже блюёшь в электричке, а человек десять пытаются понять: чем же они так нагрешили, что им вменили в обязанность наблюдать такое. Ты выходишь в тамбур и пытаешься сквозь щель между дверями уловить прохладный ветерок. Он помогает воскресить твоё состояние.

Твоя девушка уже давно встала и её милый голос по телефону делает тебя увереннее. Вынужденно задумываешься о сути вещей в жизни, которых ты недостоин, но которым безумно рад. «Её нужно увидеть и поцеловать, только в щёчку. И не больше. Сказать ей спасибо за то, что она есть», – твоя голова заболевает романтикой.

Заходишь в кафе, просишь солянку и что-нибудь из второго, полтора литра минералки. Оплачиваешь. Сделав десять жадных глотков, обжигающих горло, ты возвращаешься и просишь пол-литра пива. Чем-то больной на голову мужчина встаёт, держа в руках иконку, громко благодарит всех за пищу, в том числе тебя. Киваешь ему головой, шёпотом, одному лишь себе, произносишь: «Да, болванчик, но лучше иди отсюда». Похоже его тут кормят. А что он делает, когда выходит в мир людей? Скорее всего, бродит целыми днями и благодарит встречающих, презирающих его за то, что он существует на их пути.

Наплевать.

Принесли еду, которую ты специально пересолил. Официантка втихомолку смеялась. Но у тебя было страстное влечение к солёному. Пиво зашло как и следовало зайти.

Зайдя в свою квартиру, ты остаёшься наедине с собой. В голове неразбериха, реальность мрачна, ненавистна, твои кости ноют от дискомфорта нахождения в пространстве. Всё ничтожно и каждая рожа – отблеск нескончаемого уродства этого мира. Следовало бы выпить, ведь только в состоянии опьянения, в особенности крайнего, ты волен отпустить навалившееся на тебя бремя скрипящего бытия.

Поэтому следующий путь в расписании твоего дня – магазин. Джин, подешевле, чтобы быстрее отравить свой организм, страдать сильнее, ибо только сильного страдания заслуживает этот мир. Распиваешь банку неподалёку; куришь сильно затягиваясь, дабы и твоё горло, твои трахеи и бронхи проклинали всё на свете, и тебя, в первую очередь. Мозг получает должный эффект, вследствие воспринимает прохожих как несущийся ветер – никчёмный дух болота, на котором был построен твой родной город.

Почувствовав что эффект от выпитого пошёл, ты умилялся вкусом напитка и ненавистной тебе страной. Отец успешно сбрендил, о чём идеализируя мечтал и ты: впасть в маразм и нести нелепицу, в общем-то, не так сильно разнящуюся с бессмысленными повседневными фразами, не обращать внимания на дни, не знать о значении дней, пропустил ли день рождение друга, али родственника, али свой, не заниматься глажкой вещей и не читать, не чистить обувь, не справляться с обязанностями по работе, не готовить и не быть социальным более; не думать ни о чём. Ты мечтал рас-

слабиться от страданий жизни, от привычек и неожиданно-стей, от эмоций и влечений. Боюсь, конечно, тебя огорчать, но никто тебе не скажет теперь, кроме меня, что заболевание твоего отца тебе не передастся потому, что твой отец тебе не родной. Об этом не расскажет покойная мать, не расскажет не знающий о том отец. Даже я тебе не расскажу. Никто не расскажет, и ты никогда не узнаешь, проживёшь в тени, считая её своим естественным светом – несомненно, это не сенсация для жизни.

Кажется, тебе нужно было встретиться с девушкой. Она ждёт тебя дома. Правда легкомысленность помогла забыть об этом. Заметь, не в первый раз. Не стану тебя винить, осуждать твою жизнь; управляй ею по своему плану, успешно ведущему в жопу.

Раньше год для тебя значил много – ты учился, узнавал, выстраивал планы, грезил о многообещающем будущем. Нынешний год у тебя проходил в осмыслении прожитого, и, если не в самоотравлении, то в равнодушии. Живёшь по наитию, отложив дела на потом, как попытки бросить курить и пить, однако всё ведёт к тому, что ты, в конце концов, отложишь со временем и саму сложившуюся прокрастинацию, убрав её и эти многомиллионные «потом» из уравнения, совершенно запутавшись в себе, – чем же ты будешь жить? В тебе не преобладает простодушие, брось так считать. Сейчас вроде как получше, в остальное же время тебя всё бесит. Ты очень часто стал выходить из себя, вымещать злобу на

предметы быта, покров неистовой жестокости окутывает тебя; мне до сих пор неясно: согревает он тебя или душит. С тобой что-то не так и это аксиома; хотя тебе на это вполне насрать. Из *«Всеобщей декларации прав человека»* тебе известно: *«Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию»*. И вот, предположим, никто тебя не гнетёт, никто не унижает тебя, не оскорбляет – как сделать так, чтобы ты сам не подвергал сам себя пыткам? А представь, что так и есть на самом деле – ты сам себе придумываешь эту длинную депрессию. Но ты, как всегда, уверен, что проблема в окружающем тебя эфире, что вокруг сплошное ничем не обусловленное сумасшествие, прокалывающее тебя иглами деградации. Оно, оно виновато.

В голове ты представлял типичного индивида. Средоточие всех лиц всех людей – было его лицо. Голос его противен своей сопричастностью этому миру, выражению благодарности за жизнь. Он чувствует неоспоримый долг за право рождения, как будто мир этот заслуживает места в нём. Ты ненавидишь этого человека, и он тебе почему-то необходим. Приходит умиротворение от одного взгляда на безумное безличностное существо, по причине существования которого, звучит парадоксально, твоя душа наполнялась чугуном раздражения.

В твоей голове начинается диалог с ним:

«Люблю этот мир!» – кричит твой слабоумный оппонент.

«Нет у тебя другого мира, чтобы выбирать, мой глупый», – сухо отвечаешь ты.

«Мне не требуется другого мира, чтобы любить этот! Любовь не требует сравнения!»

«Да, наверное. И пёс бы с тобой; заметь, когда будешь изнасилован миром, будешь несчастлив, не кричи, что ты разлюбил этот мир».

Этот придурок взрослеет, вернее вырастает, и всё равно благоговеет ко всему на свете, благоговеет ВСЕМ на свете, оборудывает своё пристанище портретами тиранов и иезуитов, и восклицает:

«Как же мне хорошо. Я живу правильно. Рекомендую, супер, попробуй!»

Тебе приходится отвечать грубо, громко, немного выйдя из себя. Любой сразу смог бы понять, что ты неправ, ведь каждый второй в наше время психолог, а ты агрессивен – и это, верно, не в твою пользу. КАЖДЫЙ ВТОРОЙ ЗНАЕТ, ЧТО ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРАВ, ВСЕГДА СПОКОЕН. В конце ты произнёс:

«Всё-таки не для всех эта вещь – рождение».

А аргументов у тебя более нет. Что ему противопоставить? Чем пробить непробиваемое?

«Ты точно не прав! – продолжает он. – Ты должен ценить хотя бы то, что ты проснулся. Ценить ради тех, кто дал тебе жизнь, если не хочешь ради них, то ради самой жизни, ибо сама жизнь – уже великий выигрыш, великое событие!»

Жизнь – это дар!»

«У меня всего лишь два варианта: либо, если твоё рождение – событие, то моё рождение – это ошибка; либо, если моё рождение хоть что-то значит, то ты в этом мире точно лишний, – говоришь ты. – Я не должен находиться в одном мире с таким, как ты».

В итоге, бросив все попытки выпрямить его извилины, зародить вспышку разума в его мозгу, ты приходишь к одному и тому же: «А вообще, кем бы он ни был, пусть будет свободен в своём идиотизме. Его якобы мелового цвета поведение никогда не сможет сойти с оси порочного круга. Пусть он кажется себе белее белых, попадая в грязь, такой белоснежный смотрится крайне нелепо. – А мы живём в этой грязище! Одень белое – и дерьмо из твоих ушей будет стекать на твою одежду, каждый хрен обольёт тебя грязью своего блевотного мнения, любая мерзкая бесчеловечная падаль будет видна на тебе, ты весь будешь уляпан в крови сосущих из тебя жизнь до обжорства, впоследствии лопнувших на тебе, мразей. Чем сильнее захочешь быть белоснежным, тем отчётливее на тебе будет видеться каждая пылинка. Так что соответствуй грязной реальности: оденься в траурное чёрное и не беспокойся за внешний вид».

М-да, и после такого «диалога» не настроение, а ртуть вместо крови. И что тебе, вправду, дают такие диалоги, кроме жёлчного самоотравления? Прекращай спорить, куда дороже твоё время, твоя жизнь. Я не открою мир, сказав, что

любой спор, каким бы ни был итог, редко будет завершён до конца – в баранью голову упёртого оппонента не залезешь, но само явление спора может создать нового Герострата, в первую очередь, из-за упоминания этого человека. Известно же как происходят все эти споры. Сперва один говорит, что «Чёрный квадрат» Малевича херня и такую херню может написать любой. Второй скажет, что может-то любой, но сделал это именно Малевич, Малевич был первым, Малевич герой. Первый оспорит и это, сказав: «А если бы он засунул палец себе в жопу, а затем в рот? При этом все бы вскрикнули: “Ура! Гений!” Кто-то бы, типа меня, сказал: “Это чушь!” Вы бы ответили то же самое, что и сейчас? То есть, что он сделал то, что может сделать каждый, но никто не стал бы делать, потому что это изначально брехня». Второй бы ответил: «Вы перевираете!» Но Малевич уже в выигрыше – его знают, о нём спорят, а если всегда будут подтверждать значимость его шедевра, то твердить о его значимости не прекратят, и спорить не перестанут. Что за опосредованный круговорот абсурда? Или что-то вроде презумпции гениальности? И будут продолжать появляться целые направления такого искусства, поколения таких «гениев», Ротко, Поллоки; появится целая куча этого навоза, на котором, что скорбно, ничего не вырастет. И ты, хоть и будешь на месте первого оппонента, всё-таки инвестируешь свои силы в это дело.

Оттого многим теперь открыт доступ для самовыражения. Куда ни глянь, у нас все Фриды Кало – все пытаются запечат-

леть свои дурные непривлекательные качества, из уродства сделать красоту, шлифуют посредственность. Конечно, пока будут находиться те, кто рукоплещет новоявленным фридам, они не отстанут от этого мира, не поймут своей ущербности. Что же такого глобально выразительного в Фриде Кало? Но известность мировая. Такой художник как Зинаида Серебрякова могла и должна была делать автопортреты, навечно фиксировать свою красоту, чтобы люди пили эту красоту, эту эстетику природы в лице человека, в волосах человека. Её теперь знают не многие. Уродство из-за популярности плодит уродства, возможно, оно и пришло на замену красоте, так как человек пресытился прекрасным – тогда человека трудно винить в чём-либо. Или же эпоха постмодерна поступалась в дверь предшествующей эпохи, со словами: «Время вышло, теперь моя очередь», – и снова мы не возьмёмся винить человека. Консерватизм опасен, обскурантистские реформы не менее опасны.

К чему вообще этот субъективный монолог?

2.

– Денис, Денис, прекрати носиться по дому! – кричал неприятный человек своему неприятному потомку. Этот неприятный человек сидел и разговаривал с тобой на кухне. По его лицу трудно понять: улыбается он или нет, – верхние дёсны у него немного оголены, верхняя губа приподнята, как

вышедшие из строя жалюзи Плиссе, и, кажется, эта губа боялась опуститься и соединиться с нижней, образовав тем самым обыкновенные человеческие губы. Желанные, привычные для вида, губы. И это безобразие смотрело на тебя, незаслуженно пытая. «Невыносимо смотреть как он глотает слюну», – думал ты. А ты сам попробуй проглотить с открытым ртом, вряд ли у тебя получится это сделать грациозно.

Прошло время и ты выздоровел.

– У меня депрессия, – говорил ты.

– Бывает, бывает, друг. Любишь кататься – люби и саночки возить, – отвечал неприятный человек по имени Стёпа. Если бы знать ещё что он хотел сказать этой поговоркой, было бы совсем замечательно.

Ребёнок бегал и произносил:

– Раби даби даби руди зи.

«Ёбанный кретин», – думал ты.

– Необычная депрессия. Раньше такой... – говорил ты, но вдруг остановился: «Стоп, я не хочу ему этого говорить. Я и вовсе хотел бы его послать. Как бы ласково послать его?».

Благо Стёпа ушёл с кухни.

На кухню вернулась Лариса. Ох, уж эти обычные человеческие губы – прелесть!

– Твой новый парень плохо выглядит, – сразу же сказал ты.

– Он хороший, тебе нужно его узнать получше.

– Не хочется. Я узнал достаточно. Первые пятьдесят стра-

ниц книги на семьдесят процентов дадут тебе понять – стоит читать книгу или нет. С книгами этот фокус не всегда проходит, однако с людьми постоянно. Как ты с ним спишь? Ладно, не бери в голову. Он живёт у тебя с ребёнком?

– Нет, мать Дениса иногда даёт его на время.

После небольшой паузы ты сказал:

– Один человек недавно мне сказал: если жизнь считать даром, то надо прекращать тратить своё время на пустяковые ситуации.

– Прав твой человек, – заулыбалась Лариса.

– После этого должно стать легче, и вроде бы проще. Но как же принять, что жизнь является даром? Как это подтвердить?

– Нет, такие вопросы не к месту. Их не стоит задавать. «Жизнь – дар» – уже является ответом. А ближе к сути: разве тебе не нравится просыпаться по утрам?

– Чаще всего нет, не нравится, какая-то хуйня. Ничего особенного в пробуждении нет, да и вещь это замыленная, обыкновеннейшая.

– Пусть не нравится. Разве не приятно ли любить ту мысль, что, вот, ты проснулся?

– Те же самые слова я тоже слышал недавно. – И тогда ты вспомнил, как твой мнимый слабоумный «оппонент» пытался донести до тебя то же самое. «Неужто Лариса такая же слабоумная». Убереги её от своей критики.

– Вот видишь! Так что как минимум два человека говорят

тебе об этом.

– То, что говорят люди, не всегда верно, хоть пусть о том говорит большинство, хоть пускай говорят и твои близкие – близкие могут принадлежать к тому же большинству. Ты без меня знаешь это.

Лариса была подготовлена к твоим нравоучениям. Раньше она приятно слушала твои речи, ей и самой нравилось высказываться, обсуждать нечто не касающееся непременно обыденности, но уже прошло время, и ей стало совершенно плевать.

– Честно говоря, – она шептала тебе, – мы сейчас планируем переезд за границу. Недавно мы летали в Ригу и мне очень приглянулось там. Переехать можно хотя бы в Эстонию. Я там как-то тоже бывала. Наверное, не больно весомая разница, а всё же это какой-никакой Евросоюз, устроишься на ту же работу и будешь получать зарплату в евро, раз в пять больше, ну и условия жизни сам понимаешь. Сейчас через друзей подыскиваем там работу, копим деньги.

– Думаю, прекрасный план, Лара, – неискренне говорил ты соучастным тоном. – В этой стране и вправду нечего делать. Каждый, кто поумнее будет мыслить о переезде.

– Ты тоже мог бы попробовать.

– Меня же там заждались, – насмешливо говорил ты.

– А я думала ты не приемлешь стереотипы, – насмехалась уже над тобой Лариса. – Такие же слова мне говорила моя мама, и родители Стёпы.

– Вот видишь! Минимум три человека тебе говорят об этом.

– Наш разговор замыкается, как ни странно. А если серьёзно, то всё-таки обдумать следует, иначе не успеешь вкушать комфортной прекрасной жизни. Российские красоты меня уже начинают угнетать: лес, обширность, реки, озёра, – это всё замечательно, если бы по-прежнему впечатляло. А кроме природы, может кой-какой архитектуры, остальное только лишь угнетает. Народ здесь неблагодарный, жалкий, какой-то весь и щедрый временами, и временами ревностный, и жадный, похлеще любого еврея, я бы поди сказала – дикий. Иногда в сомнениях думаешь: кто хуже: которые тупые, бедные у нас из людей, или те, которые поумнее, богатые? Не могу я, короче говоря, в своём родном государстве почувствовать себя комфортно.

Своим полумудрым лицом она взывающе посмотрела на тебя в ожидании твоих слов: поддержишь ли или будешь критиковать гейропу, пендосов и говорить о величии нации.

– Мне такие же мысли лезли в голову. Я, будучи не патриотом, всё же боролся с такой откровенностью: оправдывал наших людей, ссылаясь на бог знает какие силы, затем на государство, на олигархию. Боролся, наверное, и потому, чтобы не компрометировать себя – ведь я часть «их», я с ними вместе долгое время, я похож на них, а они на меня, мы – большая семья. Но что-то вынудило меня бросить всё, взглянуть на менталитет нашего народа воочию, без заноз оправ-

даний. Тяжело вот так – осознать – потом продолжать жить, как ни в чём не бывало. Да и не вышло так. У тебя вот всё-таки ненависть встала пред глазами, она верная, в ней правда, но у меня вышло иначе. Я впал в апатию ко всему, мне стало плевать на всё, что меня не касается – сперва; затем стало плевать и на всё, что со мною соприкасалось. Какой-нибудь человек со мной вступает в непринуждённый диалог, я отвечаю ему, улыбаюсь, а внутри – ничего, внутри меня этот человек никаким образом не отразился. Я не воспринимаю теперь никого чувственно, вижу миражи каких-то людей, как больной прозопагнозией, о как мне плевать на каждого, я не хочу ни участвовать в жизни любого из наших людей, ни в жизни проклятого государства. Меня утруждает смотреть на кичливые рожи людей, играющих роль для *кого-то*, словно для личного бога, который смотрит на них сверху и уверяется: *да, вот так, будь таким-то, тебе это идёт*. А человек, улёщённый своим богом, с достойной улыбкой продолжает существовать с уверенностью: мой бог в меня верит.

– Господи, я тебя понимаю. Тебе точно нужно обдумать моё предложение. Просто решишь, начни откладывать, а я тебе подскажу что, да как. Тебя съест то, что внутри тебя.

– Обязательно подумаю. Я уже, впрочем, склонен в твою сторону, да и деньги у меня кое-какие есть. Надо ещё будет с Мирой обговорить.

– У тебя с ней настолько серьёзно?

– Надеюсь, что да.

– Ну, хорошо. Я буду ждать твоего решения.

3.

Открыв тебе дверь, твоя девушка попыталась смотреть на тебя взыскательно, и эта попытка не продлилась больше двух секунд – Мира была рада тебя видеть. Чуть анорексичная, но не больная на вид, наливное тело, миловидное личико, она стояла с распущенными волосами, которые тебе очень нравятся, но в тот же момент при поцелуях всегда лезут в рот. Ты бы, конечно, описал её совершенно по-другому.

– Ты работаешь вообще? – спросила Мира.

– Нет, – честно отвечал ты. – Но не волнуйся, всё отлично.

Она не верила тебе.

– А что не заходишь тогда? Даже не звонишь!

Ты не понимаешь что такое любовь, ты в неё не веришь. Вряд ли ты любишь Миру, но и бросать тяжело – тогда ты навсегда потеряешь такое чудо. Странно, что не существует какого врача по таким вопросам, который смог бы выписать пилюлю и всё прошло.

– Нет, я не голоден, – отвечал ты на понятный вопрос. – Для начала мне просто нужен секс.

Через пятнадцать минут вы лежали в кровати.

– Я улетаю домой на месяц, – сказала Мира.

– Угу, – сказал ты.

– Ты меня не бросишь? – спросила она.

– Да нет, конечно, – отвечал ты. – С чего бы это?

– Да так.

Мире приходит сообщение от какого-то типа, у которого с ней наглядно недружеские отношения – чтобы увидеть сообщение, ты лишь перевёл взгляд на экран телефона. Она взяла телефон, прочитала сообщение, затем посмотрела на тебя: не заметил ли ты случаем этого сообщения.

– Кто пишет? – спросил ты.

– Старый знакомый, – максимально непринуждённо ответила она. – Надоел уже, если честно.

Но ты знаешь, что «этот старый знакомый» за фрукт. В твоём рукаве есть тот козырь, позволяющий тебе изучать её поведение: как она недоговаривает, как пытается скрыть то, что вроде бы не обязана объяснять, но для тебя – для тебя обязана.

– Тот, который в тебя безнадежно влюблён? – рассёк воздух ты. Слова: «тот», «в тебя», «влюблён», – оказались слишком близко расположены друг к другу.

Мира молчала, она не была в ошарашенности, по сути она ничего особо не таила, секретов не было, она всего лишь умолчала о назойливом человеке. Смотрела на тебя и молчала.

Хоть Мира и не была поймана на злодеянии, прецедента не было, да и вообще ничего особенного не произошло, впрочем, мысли в твоей голове сплетают сеть заговоров, основанных на домыслах и кое-каких известных тебе фак-

тах. Отношения на доверии и так роскошь. Одна запоздалая правда, недоговорка человека создаёт о нём образ палача, палача твоего мира, состряпанного по эгоистичной прерогативе, разрубающего цельную форму эгоцентрика.

ты видишь теорию заговора: «она улетит далеко, где её ждёт любимый; ты останешься один, использованный, рваный и не зашитый. она сделает всё, чтобы подозрения оставались всего лишь домыслами твоего воспалённого мозга – чтобы на тебя можно было раздосадовано кричать. его с ней ничего не связывает. ты как-то находишь его номер в её телефоне; она говорила, что с ним давно всё кончено, что он ей надоедает, пишет, но кинуть его в чёрный список она почему-то не может; ты общаешься с ним по телефону; он груб, он невдомёк: “она моя девушка! ты сошёл с ума! ты хочешь её у меня отнять”. ты не должен более верить инфантильным личностям; ты их навидался. но сомнение отчего-то засело. она говорит, что он сумасшедший; ты веришь; однако, другая часть тебя говорит: “он всего лишь не знает всех правил игры, она ему их не рассказала”. ты требуешь удалить его из друзей, отправить в чёрный список, отправить туда же его номер, и вообще ты становишься одержимым. ничто не спасает тебя. легче, но не отпускает. он пишет стих у себя на странице, как он не жалеет ни себя, ни её, как ему плохо-хорошо, что-то и внятное, и вовсе невнятное. ты знаешь: теперь он знает правила игры – она поведала ему. он – часть игры. ты хочешь быть с ней; ты презираешь их игру; ты не

хочешь быть шлюхой, которая встретит её через месяц, будет обнимать... целовать... нежно... страстно... но шлюхой, которая будет обманута ими – ей и им – им, который обнимал... целовал... нежно... страстно... её весь этот месяц. она улыбалась ему так же, как улыбается тебе, говорила ему те же вещи, возможно, лучше, и обнимала... целовала... нежно... страстно... ей с ним лучше. признаваясь тебе в любви, она признаётся в любви ему; говоря тебе, что она не сможет без тебя, она говорит, что не сможет без него. и всё в этом духе. ты – её партнёр на время учёбы, вдали от дома, вдали от него, вдали от всех, кого она любит. ты – игрушка; всё – игра; тобой играют. ты – прекарная вещь, как губка для мытья посуды. ты – английское прилагательное throwaway.»

Вы молчали, ты же перебирал в голове всё самое плохое, нафантазировал небывалое.

– Когда-нибудь я уйду в монастырь, – сказал ты, чтобы сказать хоть что-нибудь. В шутку, само собой. Улавливая крупницу серьёзного продуманного решения в этой фразе.

– Пожалуйста, – отвечала Мира, – но меня не удовлетворит одна духовная любовь.

– Когда я крестился в церкви, мне тогда было двенадцать лет, я очень сильно засмеялся на моменте, когда священник выкрикивал: «Аллилуйя, Аллилуйя». Мне не удавалось остановить свой смех, ведь сам Господь щекотал меня своим светом. Это было неприлично и священник смотрел на меня, как на заплутавшее дитя, кошунствующего по незнанию,

но всё же как на непростительного грешника. Но как же не смеяться, если Он был рад мне! И я смеялся во имя Господа. И, знаешь... из меня выйдет хороший проповедник? Я могу любую ситуацию повернуть к Богу лицом – так же нужно делать порядочному священнику?

– Прекращай. Ты не веришь, но больше времени уделяешь разговорам о религии, чем рядовой человек.

– Согласен.

опять проскользнула мысль: «она была с кем-то счастлива так же как со мной. она была счастлива тогда – как сейчас. идентично. если бы не существовало последовательного порядка во времени, то можно было бы поменять эти периоды местами – и ни хрена, ни хрена в её жизни не поменяется. если поставить настоящее в прошлое, а прошлое в настоящее – я буду её бывшим, пережитком и опытом, а её бывший лежал бы сейчас здесь и сосуществовал с мирой, залезал к ней между ног, ласкал её. как же противно думать о таком. но не думать не получается». ты на пороге личного открытия: любви нет, есть время и психологическая привязанность, а значит любой союз может быть заключён и любой союз может быть разрушен. только вот твоё личное открытие давно было сделано – и ты сделал то же, что делает ребёнок, произнося впервые: «мама».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.